

Суббота, 21 декабря 1996 г.

За несколько минут до часу профессор МакГонагалл подошла к входной двери в зал заседаний. Гарри сидел в холле, отдыхая в одном из созданных им кресел, и читал маленькую книгу. Он выглядел так, как будто ему было наплевать на весь мир.

— Готов, Гарри? она спросила. Он кивнул, опуская книгу из вежливости. Она сказала: «Правление состоит из семи членов, разного возраста и из разных слоев общества. Они будут сидеть за столом, выступая в роли своего рода трибунала. Пожалуйста, следите за тем, что вы говорите».

«В настоящее время, профессор, я всегда осторожен в том, что говорю. Кажется, что другие бросаются словами в диком азарте». Он многозначительно посмотрел на нее, и у нее хватило такта отвести взгляд. Гарри встал и исчез со стула, сунув книгу в какое-то таинственное место в своей мантии. Шокируя своего профессора, он вошел, чтобы чмокнуть ее в щеку, прежде чем шагнуть к двери. "А не ___ ли нам?"

«Нахальная обезьяна», — пробормотала она, проходя мимо него; но он мог видеть, что она изо всех сил пыталась не ухмыльнуться.

— Ах, Минерва, хорошо, что ты присоединилась к нам. Это от угрюмого, противного вида человека с короткими каштановыми волосами и изнеженным поведением. — А вы, должно быть, мистер Поттер, — сказал он, глядя на Гарри свысока.

Гарри просто стоял и смотрел на него. Не сверкая взглядом и не моргая, он встретился взглядом с человеком, пытавшимся утвердиться в качестве авторитетной фигуры.

"Что ж?" сказал мужчина.

"Хорошо что?" — сказал Гарри.

"Ну, я задал вам вопрос, молодой человек!"

«Нет, вы этого не сделали. Вы сделали заявление».

Мужчина начал расстраиваться, и это подействовало на его и без того хриловатый голос не лестно. — А теперь посмотри сюда...

"Почему?" прервал Гарри.

Мужчина на мгновение запнулся, застигнутый врасплох и недовольный этим. "Б-Ч-Почему?" Он оглядел стол в поисках поддержки, обнаружив, что это смешано. — Разве ты не знаешь, кто

мы?

— Нет, конечно, не знаю, — сказал Гарри. — Ты не удосужился представиться.

«Мы — Совет управляющих Хогвартса!»

— Хорошо, — ответил Гарри, выглядя совершенно безмятежным. — Это ты, а не кто. Кто ты? Он услышал смешок слева от себя, который быстро скрылся прочищением горла.

— Я только что сказал тебе, кто мы! — последовал ответ голосом, который начинал становиться явно плаксивым. "Слушай, ты, дерзкая маленькая..."

«Кто такой дерзкий? Вы хотите меня расспросить, и я спросил, кто вы. Что может быть более уместным? Этот смешок пришел снова. «Кстати, у меня до сих пор нет ответа. Я хотел бы знать имена всех, кто находится в этой комнате».

На этот раз ответом был глубокий, нежный смех справа от Гарри. «Хорошо сыграно, молодой человек. Ха, действительно хорошо сыграно». Гарри повернулся и увидел говорящего, волшебника лет девяноста, все еще красивого. «Меня зовут Обадия Трокмортон. Джентльмен, слишком покрасневший, чтобы говорить, — Эркэн Румспигот». Подняв брови, он повернулся к женщине справа от него.

«Эвадн Покок». Короткая, стройная и модная.

«Порпентина Кленч». Нормального роста, тучный и наглый. У нее были короткие и густые волосы.

«Рэмси Фитц-Лузли». Около сорока, очень высокий, худой и угрюмый.

«Тайфун БлэкСтэмп». Громкий голос, нормального роста и благородный. Довольно старый, наверное, 100 лет.

«Элси Пандербоди». Лет пятидесяти, невысокий, стройный и невзрачный. Ее волосы были серебристыми и подстриженными. У нее были ярко-голубые глаза.

Гарри поклонился собравшимся. — А я — Гарри Поттер. Очень рад познакомиться с вами, я уверен. Особенно вы, вы и вы... — сказал он, указывая на трех человек; который сразу застыл на месте. "Авроры!"

Четыре плаща-невидимки были сброшены, чтобы показать четырех авроров, которые все это время тихо стояли в большой комнате.

Гарри снова указал и сказал: «Эркан Рамспигот, Порпентина Кленч и Рэмси Фитц-Лузли назвали себя по имени. Я идентифицирую их как Пожирателей Смерти. Они могут быть у вас».

Возмущение, конечно, было. "Клянусь Мерлином!" от старого Блэкпня, а Элси упала в обморок прямо рядом с ним. Авроры проверили предплечья каждого из троих, на которых указал Гарри, показав комнате темные метки на каждом, прежде чем надеть наручники аппаратуры и забрать пленников.

— Я знал, что мне что-то не нравится в этом парне, — сказал Гарри. "Ну, для остальных из вас, может быть, мы должны продолжить?"

Трокмортон снова рассмеялся, на этот раз откинувшись на спинку стула. — Клянусь Мерлином и клянусь Юпитером! Ха, неудивительно! Этот придурок всех задел. Хлопнув в ладоши, он сказал: «Давайте вернемся к этому. Можно мне?» он ждал инакомыслия, и его не было. — Очень хорошо. Мистер Поттер, мы получили официальные жалобы от Паркинсонов. Они утверждают, что вы повредили магию их дочери. Вы можете подтвердить или опровергнуть это?

Гарри кивнул. «Мистер Трокмортон, я не повредил магию Панси Паркинсон, я полностью ее удалил».

Эвадн Покок заговорила: «О, если серьезно... ты же не имеешь в виду...»

«Да, мисс Покок. Она сквиб, отныне и навсегда».

— Вы ожидаете, что мы поверим, что простой студент может...

"Я не "просто" что-нибудь," прервал Гарри. «Я мужчина, волшебник, последний живой наследник Годрика Гриффиндора, лорда Поттера и лорда Блэка, а также взрослая версия Мальчика-Который-Выжил. Благодарю вас за то, что вы не унижаетесь, мадам».

— Но... мистер Поттер, вы не можете просто... мы не можем допустить, чтобы вы делали сквибов из студентов-волшебников!

«Почему бы и нет? Какие школьные правила устава или законы утверждают это?»

Вспышка четырех оставшихся членов правления была сдержанной, но интенсивной, поскольку они разговаривали между собой. Конечно, не было ни законов, ни школьных правил, запрещающих такое. Хотя ритуалы магии раздевания были запрещены и табуированы как темные, такие ритуалы не использовались.

Через несколько минут Гарри снова заговорил. — Могу я привлечь ваше внимание, пожалуйста?

Группа остановилась, словно получив пощечину; им напомнили, что они были здесь, чтобы рассмотреть и вынести решение по делу о «придирках» Паркинсона.

Гарри сказал: «За несколько мгновений до того, как я пришел на эту встречу, я получил подтверждение того, что Нибелунг и Пион Паркинсон, родители Пэнси, оба были осуждены как Пожиратели Смерти. Поскольку все ее живые родственники находятся в Азкабана, Пэнси теперь находится под опекой государства. ." Он не стал ждать, пока стихнут их возмущенные комментарии. Его голос стал холоднее и тише, заставляя их прислушаться. «Пэнси Паркинсон теперь передо мной в долгу как у волшебника. Верно, я спас ей жизнь. Если бы я не забрал ее магию, она была бы вынуждена взять Темную Метку, и мне пришлось бы убить или захватить ее просто так. как ее родители.

— Послушайте внимательно, пожалуйста, — сказал он еще тише. «На моих глазах больше не будет этой чистокровной фанатичной чуши. Я публично поставлю в неловкое положение всех вокруг меня, кто говорит это вслух. Я убиваю Волдеморта и каждый последующий день.

«Рождественские каникулы наступили, в понедельник студенты отправятся домой. Если больше ничего не будет, я уверен, что у профессора МакГонагалл есть более важные дела».

Λ

Работа школы продолжалась в обычном режиме, в основном, до того понедельника, когда пришло время ученикам (и некоторым сотрудникам) уезжать на рождественские каникулы.

Гермиона была готова сдать, когда узнала, что Гарри уже выучил весь год Арифмантику и Руны — два ее лучших предмета — и он даже никогда не посещал курсы! Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что ей было больно, потому что он больше не нуждался в ее помощи с домашним заданием, и он даже помогал другим с их в общей комнате.

Но она остановилась на середине разглагольствования и стала совершенно липкой, когда Гарри сказал ей: «Гермиона, ты нужна мне такой, какая ты есть, а не той работой, которую ты можешь для меня сделать. Ты не моя домашняя рабыня». Она проигнорировала освистывание, которое возникло, когда она прыгнула к нему на колени и наложила на него поцелуй прямо посреди завтрака.

В девять тридцать Гарри перехватил ее в холле. Она жевала нижнюю губу. "Что случилось?" — тихо спросил он.

— На самом деле две вещи, — сказала она, — и обе довольно личные.

Гарри помахал рукой и окружил их заклинанием «не замечай меня» и заклинанием конфиденциальности, сквозь которое не мог пройти даже волшебный глаз Грюма. Он взял ее за руку и сказал: «Скажи мне».

«Ну, во-первых... я имею в виду... ну, моя мать узнает, что я больше не девственник».

— Хорошо, и...?

«Гарри, с моей матерью, вероятно, все будет в порядке, но мой отец скоро сорвется».

«Хорошо, тогда я пойду с тобой. Как ты думаешь, ты сделал что-то не так?»

"Нет!" — воскликнула она. "Почему? Вы думаете, что это было неправильно?"

— Конечно нет, Гермиона. Это самое правильное, что есть в этом мире. Она покраснела. — Но дело не в этом. Дело в том, что если ты не считаешь, что это было неправильно, то почему ты чувствуешь себя виноватым?

«Гарри, ты не представляешь, каково это быть единственной девочкой у заботливого отца. В этом нет смысла, но он все равно сорвется».

«Тогда, — сказал он с каменным лицом, — мы можем сделать только одно: покончить жизнь самоубийством».

Ее глаза распахнулись от шока всего на несколько секунд, пока она не поняла, что он шутит. Начав улыбаться, она сказала: "О, ты...", игриво ударив его по руке, прежде чем в тревоге отдернуть ее. "Ой!" — сказала она, потирая костяшки пальцев. "Ты сожгла меня!"

«Нет, Гермиона. Ты сожгла тебя. Удары руками — это не кокетство, не милость и не игра. Я сконструировал свои щиты, чтобы предотвратить такие оскорбления.

"Почему бы и нет?" — угрюмо спросила Гермиона.

— Потому что я подозреваю, что вы, вероятно, будете ранены. А теперь я пойду с вами до вокзала Хогсмид. Я бы отвез вас домой так же, как отвел к себе, но вы староста, и они ожидают, ты в поезде».

— Знаю. Собрания не будет, но они все еще надеются, что я буду следить за порядком. Не знаю почему, старосты уж точно не в состоянии следить за порядком последние шесть лет.

— Это дух, — сказал Гарри. «Что еще за погром по большому счету? Давай, я понесу твои вещи».